

СУДЬБА РУССКОГО КОММУНИЗМА

КОРТУНОВ Сергей Вадимович - кандидат исторических наук.

Коммунизм в России был, как известно, одновременно национальным и мировым явлением. В национальном плане это, как справедливо отмечал Н. Бердяев, представлял собой "деформацию русской идеи, русского мессианизма и универсализма, русского искания царства правды, русской идеи, принявшей в атмосфере войны и разложения уродливые формы"¹. В международном же смысле в XX веке Россия стала полигоном и одновременно основным творцом экстраординарного социального эксперимента, проведенного человечеством. Он стал возможен, когда в Европе умерла вера, то есть "умер" ветхозаветный Бог. Это был акт отчаяния и попытка создать новую религию, новую веру и нового человека, когда после "смерти" Бога "умер" и старый человек; преодолеть порожденные этим тоску, пессимизм и отчаяние, отражение которых мы видим в произведениях сначала Б. Паскаля, а затем А. Шопенгауэра и С. Кьеркегора; создать новую коммюнитарность в условиях, когда западный индивидуализм взорвал прежнюю человеческую общность (которая осуществлялась через веру в Бога), и люди превратились в изолированные существа, мятущиеся в эгоистическом, атомизированном мире, являющемся ареной гоббсовской борьбы всех против всех. Вновь соединить эти существа в братском единстве, создать новый коллективизм (но уже без Бога) - вот в чем состоял великий замысел и Большой Проект коммунизма².

То, что коммунизм изначально выступал именно как **новая религия** (на фоне глубочайшего кризиса старой), впоследствии до неузнаваемости искаженной большевистской теорией, а тем паче - практикой, - видно по "Экономико-философским рукописям 1844 г." и другим произведениям раннего марксизма. Описанный в них коммунизм, целиком и полностью выросший из западной философской традиции, вероятно, можно назвать, с одной стороны, **персоналистическим**, поскольку он утверждал ценность человека, его достоинство, а с другой - **позитивистским**. Постулируя, что действительности присущи динамика и прогресс, ранний марксизм возвращал человеку веру в самого себя, убеждал его в том, что жизнь имеет смысл и достойна того, чтобы прожить ее. Из идеи прогресса, в том числе и исторического, выводилась возможность построения хотя бы и в далекой перспективе идеального общества, где будет достигнута самореализация человека в качестве цели. Эта идея в марксистской системе носила именно религиозный характер и по существу противопоставлялась идее Бога.

Как известно, у К. Маркса именно человек освобождает человека, является для него мессией, его спасителем. В этом состоит великий смысл этического

благородства в марксистской системе - до тех пор, пока хоть один человек поработен, человек не свободен. В этом же существо марксистской солидарности, которая в прошлом веке, возможно, казалась не менее убедительной, чем христианская идея братской любви.

. В самом деле. Христианской любви марксизм пытался противопоставить любовь, которая в мирской сфере, и прежде всего в сфере экономической, побуждает решительно взять на себя обязательство в защите прав человека, чтобы осуществить земную справедливость, создать новое общество посредством совместного активного революционного действия.

Таким образом, небесному мессианству противопоставляется мессианство земное; пассивному ожиданию манны небесной - деятельное участие в сооружении земного рая.

Для того чтобы спасение человечества стало возможным, необходимо, чтобы каждый деятель считал это высшей ценностью и подчинял бы ему все свои личные интересы. В этой связи "марксистский" человек не имеет чисто личной жизни, он всегда действует как общественный человек. Его первой заповедью является любовь к человечеству, которая может толкнуть на принесение в жертву своей жизни во имя других целей. Такой человек призван бороться и жертвовать собой ради идеалов, которые, безусловно, будут осуществлены, но, быть может, лишь человечеством завтрашнего дня. Он не увидит их победы, но убежденность в том, что он идет в ногу с историей, придает ему уверенность, что свою жизнь он прожил не напрасно. Таким образом, моральные обязательства марксиста должны быть совершенно свободны от личного интереса и вдохновляться исключительно бескорыстной преданностью делу освобождения человечества.

Однако коммунизм - это не состояние, которое должно быть достигнуто, а именно бесконечное историческое движение по созиданию все более и более совершенного мира. Данное движение составляет смысл исторического прогресса и марксистского понимания вечности. Христианская метаистория становится тут бесконечной человеческой историей.

Ранний марксизм, таким образом, пытался дать ответ на фундаментальный философский вопрос - о жизни и смерти. Врожденная непримиримость человеческого духа не вызывает ни к преодолению Конечного ради Бесконечного, ни к преодолению времени ради вечности; она лишь толкает к бесконечному прогрессу в рамках Конечного, к непрекращающемуся преодолению настоящего ради будущего. Вечность здесь превращена в бесконечную мирскую преемственность, а бессмертие отдельного лица - в бессмертие человечества. Путь человека к воскресению - это выход в бессмертное человечество. Он живет жизнью вечной, если она ориентирована на участие в построении подлинно человеческого общества, в котором извечные человеческие идеалы добра, справедливости и гуманизма станут, наконец, историческим фактом. Элемент воскресения содержится, следовательно, в каждом акте подлинно человеческой жизни, которая понимается как деятельность, направленная на созидание все более человеческого мира.

Созидание такого мира включает в себя перспективу его безграничного преобразования. Нужно изменить мир. Затем нужно будет изменить этот

измененный мир. Участвуя в бесконечном процессе этого преобразования, человек делает свою жизнь сопричастной вечности. Он сам становится частью вечности, ибо сознает себя как часть бесконечно развивающегося, устремленного в будущее процесса. Его воскресение происходит каждый день, ибо новая историческая реальность, которая будет рождаться после его смерти, будет неизменно содержать его в себе и продолжать его жизнь. Он будет постоянно жить и воскресать в ней.

Отсюда ясно, почему марксистским идеалом является превращение всего человечества в человечество борцов. Только в деятельности по преобразованию мира человек может реализовать себя в качестве цели, обрести подлинную свободу и подлинное счастье. Идея "прекрасного завтра" позволяет ему осуществлять свои самые глубокие надежды и чаяния, самые дерзновенные устремления и придает, таким образом, его жизни высокий смысл.

Марксизм, таким образом, пытался примирить Ренессанс и Высокое Средневековье, две силы, самоубийственно борющиеся друг с другом на протяжении нескольких веков. По мнению К. Маркса, коммунизм - это и есть воскресение и жизнь, подлинное разрешение противоречий между человеком и природой, человеком и человеком, существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, свободой и необходимостью, между индивидуумом и родом. Он - решение загадки истории, и он знает, что он есть это решение.

Таковы основные положения раннего марксизма. И это полезно бы уразуметь некоторым современным не в меру ретивым критикам коммунизма, сделавшим на этой критике себе публицистическую карьеру.

"Красная идеология" большевиков, к сожалению, не строилась на постулатах раннего марксизма. Быть может, Октябрьская революция и совершилась во имя К. Маркса, но уж, во всяком случае, не по К. Марксу³. Зато большевики задействовали такие "проваленные" Великой французской революцией идеи, как Справедливость, Равенство, Братство, Свобода, Счастье.

Как справедливо отмечается в нашумевшей в свое время книге "Постперестройка" под редакцией С. Кургиняна, с началом первой мировой войны Россия вместе с остальным миром вплотную придвинулась к экзистенциальной, а следом за ней и к исторической, политической и социальной катастрофам. В этот предапокалиптический миг истории роль лидера, способного изменить траекторию исторического развития, взял на себя коммунизм как третья сила, как антитеза возврату в животное царство и бездумному прогрессизму, как научная теория и одновременно новая гуманистическая религия, способная продуктивно решить фундаментальные проблемы человеческого существования⁴.

Почему именно Россия стала местом проведения всемирного коммунистического эксперимента? На этот счет можно высказать целый ряд предположений. Самое простое из них состоит в том, что Россия исторически всегда

была местом схватки Добра и Зла, своего рода всемирной социально-культурной лабораторией. (Таковой, кстати говоря, она является и сейчас.)

С точки зрения национальной истории **коммунизм стал русской идеей XX века**. С точки зрения истории мировой - реальный, практический коммунизм был бы невозможен без опоры на русскую идейную традицию как объединительное начало, без опоры на симфонизм, на всечеловечность, на альтернативность как доминанту общероссийской цивилизации. Русский коммунизм был создан русской соборностью, величием русского духа, впитавшего и претворившего в себя всемирно-историческое Красное Пламя.

Уже в начале XX века Запад стал грезить концом Истории - достаточно вспомнить "Закат Европы" О. Шпенглера. Он уже тогда устал и захотел остановиться. Этой остановке, с ее страшными, буквально катастрофическими последствиями, предвещенными и провозглашенными как идеал Ф. Ницше, в XX веке помешал русский коммунизм. Полыхнувшее в начале века Красное Пламя Интернационала не дало распространиться фашистской волне. Оно предотвратило и беспредельное идейное монопольное господство буржуазной модели будущего. *Принятие Россией коммунизма восстановило диалектику мирового развития.*

Россия не просто "сыграла в красное"; она, как справедливо отмечает С. Кургинян, нашла себя на стыке между недостаточностью цивилизационного уникализма и избыточностью религиозного универсализма. Она сыграла в точности свою роль, стала тем, чем она в XX веке и должна была стать. Россия искала Альтернативу, мир искал Альтернативу, Альтернатива возникла в России и Россия нашла себя в ней⁵. Третий Интернационал стал иным воплощением идеи Третьего Рима, русской национальной идеи, трансформацией национального мессианизма.

Тем, кто считает коммунистический период "черной дырой" истории или "идеологической диверсией Запада", которую Россия переваривала 75 лет, стоит понять, что это была закономерная ипостась развертывания русского и мирового духа, неизбежный этап этой истории в национальном и мировом масштабе. Иная точка зрения порождала бы серьезную угрозу прерыва исторической преемственности со всеми вытекающими отсюда катастрофическими последствиями для России и всего мира в целом.

Русский коммунизм явился шагом в сторону возвышения космической роли человека, в сторону радикализации гуманизма. Это была благородная попытка снять "звезду пленительного счастья" с неба и перенести ее на нашу грешную землю, поставить на место благодати - труд, но труд, разумеется, не "самоотверженный" (т.е. отчужденный), а именно благодатный, труд собственно человеческий, творческий, освященный метафизикой Всеобщего Космического Проекта.

Как бы это не нравилось нашим "западникам", но извечная мечта России - создание Царства Божьего на Земле, то есть цивилизации, осознанно воплощающей в социальном устройстве высшие законы мироздания. Российская Империя была единством в Духе и в пространстве многогранной Высшей Идеи. В этом смысле можно сказать, что организационная форма не имела большого значения - нет сущностной разницы между Империей с

Православным Государем и тоталитарной Империей с Генеральным секретарем ЦК КПСС или авторитарной Империей с Президентом.

Вот почему нельзя допускать "распада связи времен" между этими этапами развития России. "Полное и окончательное" развенчание коммунизма в СССР, проводимое отечественными правозащитниками и журналистами при активном содействии и участии западных демократий, обернулось в России серьезными потрясениями, поставившими огромную страну на грань гражданской войны. В то же время Китай, никогда не разрывавший исторической преемственности, под какой бы фразеологией это не происходило, обеспечил себе мощный экономический прорыв в XXI век, стабильное и безопасное развитие. Определяющее значение для Китая имела смысловая преемственность поколений. "Красный дракон" - парадигма развития Китая, коммунистическая по фразеологии, а по сути являющаяся эзотерической доктриной Китая как одного из центров мира и одной из мировых цивилизаций.

В XX веке Россия испробовала на себе модель мобилизационного социалистического развития, заплатив за это высокую цену. Однако в национальном смысле слова 75 лет не были потерянными годами для страны. Октябрьская революция, хотя и была величайшей трагедией России, спасла страну на определенном этапе от распада и колониального порабощения, а в религиозном смысле - от ее превращения в общество "практического атеизма" (так Н. Бердяев называл западный капитализм). В этом смысле Октябрь приобрел религиозный смысл, хотя коммунизм и был подменой подлинных религиозных ценностей ложными. Перед нацией была поставлена **сверхзадача**, сверхидея. Эта идея опять-таки оказалась ложной, однако в процессе своей реализации она трансформировалась в идею национальную, державную. Произошла "русификация" западной по существу идеологической доктрины, и международный коммунизм стал русским коммунизмом.

В национальном смысле коммунисты не только остановили хаотический распад России, но и восстановили единство и территориальную целостность страны, мобилизовали народ, хотя и тираническим путем на построение великой державы. "В этом, - признавал Н. Бердяев, - **бесспорная заслуга коммунизма перед русским государством**. России грозила полная анархия, анархический распад, он был остановлен коммунистической диктатурой, которая нашла лозунги, которым народ согласился подчиниться"⁶. Была поставлена религиозная сверхзадача - создать Царство Божье на Земле. Были выработаны светские аналоги религии: свои основоположники и пророки, апостолы и мученики, святыни и ритуалы.

Нельзя отрицать и большое морально-религиозное значение Октября для России и всего мира в целом - по крайней мере в первые десятилетия существования СССР. Кто верил в правду и отдал свою жизнь за счастье народа, проявил православную сущность миссии России, даже если считал себя безбожником. Ибо сущность эта выражается в следующих словах Святого Писания: "Нет больше той любви, как если бы кто положит душу свою за друзей своих" (Ин. 15:13).

Атеистический характер коммунистической доктрины ничего не менял при этом по сути. Э. Фромм справедливо указывал, что «многие из тех, кто

открыто проповедует веру в Бога, в своих человеческих отношениях являются идолопоклонниками или людьми без веры, в то время как некоторые из наиболее воинственных "атеистов", посвящающих свою жизнь улучшению человечества, утверждению братства и любви, демонстрируют веру и глубокое религиозное отношение»⁷. В полной мере это относимо и к идеям "красного братства", "красного ордена", покоровившего Россию отнюдь не свирепостью и коварством. Решающим была именно новая вера, новая метафизическая доктрина Общего Дела, которая затронула глубочайшие струны народной души. Обаяние Красного Идеала было в его духовной силе, то есть способности противостоять смерти, бросить ей вызов, придать трагическую полноту жизни и трагическую осмысленность тому, что, прервавшись, она не прерывает нить Общего Дела, становится ступенью, ведущей в общечеловеческий храм. Это *вочеловечивание*, а отнюдь не упование на материальное изобилие, составляло изначальный стержень уже не западной, а русской коммунистической идеи. Именно она освободила ранее дремавшие, скованные силы русского народа для исполинского исторического дела. Ее исторически преходящее содержание, а тем более официально-бюрократическое извращение следует отличать от той онтологической, антропологической и экзистенциальной концепции, которая фактически скрывалась от советского человека, сдавшего экзамен по "научному коммунизму", но оставшегося в полном неведении относительно действительного смысла якобы изученной им идеи, не имевшей по своему духовному накалу равных себе в XX столетии.

Трагический парадокс истории заключается и в том, что коммунистический гуманизм проявился на практике иначе, чем в теории. Глубинные причины такого положения дел лежат, видимо, не только в несовершенстве общественных условий, в которых государство превращает ту или иную гуманистическую философию в идеологию, в конечном счете обращаемую им против человека. Не последнее место среди таких причин, по всей вероятности, занимает и врожденный эгоизм человека, побуждающий его превращать в инструмент даже религию. В России на эту общечеловеческую черту наложились к тому же традиции русского государственного абсолютизма, всегда рассматривавшего человека не как духовное существо, а как материальное средство построения имперского государства.

Оригинальная концепция коммунизма - причем, не только западного, но и русского, - которую можно назвать так же антропологической, как утверждающей абсолютную аксиологическую ценность человека, не имеет ничего общего с созданными в XX веке моделями административно-командного социализма, которые в значительной степени дискредитировали своей практикой и марксистский гуманизм, и изначальную его русскую интерпретацию. На самом же деле именно оригинальные идеи К. Маркса, а позднее - русских марксистов и даже, в известной мере, большевиков "ленинского призыва" - позволяют радикально критиковать режимы, которые ими вдохновлялись. Таким образом, есть коммунизм человеческий и коммунизм институционный. Последний по существу не верен подлинному коммунизму, поскольку он противоречит основным коммунистическим идеалам.

Проблема поэтому состоит не в коммунизме как таковом. Беда в том, что коммунизм превратился в государственную идеологию, которая до неузнаваемости исказила его сущность. Комплекс идеальных ценностей был превращен государством в набор догм, в катехизис, который охранялся институтом, созданным властью предрежащей. Примат ценностей вследствие этого стал приматом института над личностью, авторитета над инициативой; аксиологическая монолитность переросла в социальную монолитность. В свою очередь, это привело к политической и идеологической нетерпимости, когда институт стал считать себя воплощением добра и справедливости и бороться против зла и заблуждения; а отсюда - к такому положению, когда успех данного института и воля авторитета стали критерием ценностей и даже истины. Религиозная коммунистическая мораль оказалась беспощадной к конкретному человеку, она рассматривала его лишь как кирпич для строительства будущего идеального общества. В этих условиях человек, по словам Н. Бердяева, "оказался лишенным измерения и глубины", он превратился "в двумерное, плоскостное существо"⁸. Ему оставалось лишь стать частью общего целого, от которого он был зависим и чью имманентную рациональность он должен был утвердить. В конечном счете он был низведен до положения средства государства, которое его поработило, прикрываясь "общечеловеческими ценностями".

Для самого коммунизма превращение его в государственную идеологию означало полное крушение: он стал стерильным, бесплодным. В этом - один из уроков легенды о Великом Инквизиторе. Истина живет, если она свободна, а свободна она лишь в условиях плюрализма. Идеологическая монолитность неизбежно приводит к ее умерщвлению. Она становится оборотной стороной триумфализма: история государственных институтов рассматривается как серия "триумфов", а свершившиеся факты канонизируются.

Все это, однако, проявилось потом, через два-три десятилетия после Октябрьской революции. В период же молодой социалистической республики страна воспринимала себя в качестве **цитадели абсолютного добра**, а в религиозном смысле она превратилась в главную силу, противостоящую безбожному капитализму и творящую образ будущего. Кстати говоря, именно так - как страна будущего - она воспринималась тогда очень многими в мире, начиная с Дж. Рида и кончая Р. Ролланом.

Испытав на себе модель коммунистического развития, Россия сыграла роль "удерживающего". В годы Великой Отечественной войны она в этом же смысле превратилась в преграду на пути фашизма. Эта война стала священной. Не случайно Церковь, почти вся русская эмиграция и верующие русские люди - даже антикоммунисты - поддержали большевиков в войне против Гитлера. Именно тогда, в самые тяжелые ее дни, в 41-м, родилась новая, фактически уже посткоммунистическая Россия. Перед каждым русским встал выбор Христа: спрятаться, отступить или встретить свою смерть и тем самым спасти свою мать, жену, Родину. Те, кто принял этот вызов, и есть **новые русские**. Выбор, сделанный русским солдатом, чувства, испытанные его матерью, навечно записаны в русской душе. В итоге войны родилась новая сильная душа, через любовь к Родине, матери, детям, сложился духовный

иммунитет. Победа в войне стала началом освобождения России, в том числе и от коммунистической лжерелигии. Полвека затем Россия выбиралась из кризиса. Тяжесть этой ноши несли новые русские, их дети и внуки.

Заплатив огромную цену за свое развитие в XX веке, Россия при этом в значительной степени заплатила цену за развитие всего мира. Ибо весь мир пользовался в этом столетии плодами ее Революции и ее Победы. И если бы не коммунистический эксперимент, который взвалила на свои плечи Россия - подобно Христу, несшему свой крест на Голгофу, - мир сегодня был бы иным. Скорее всего, более жестоким. Это, кстати говоря, заставляет задуматься о будущем человеческой цивилизации в условиях крушения коммунизма и государственного социализма. Ведь "гуманизм" Запада, т.е. современных капиталистических стран (равно как и материальное положение граждан в этих странах), во многом формировался за счет конкуренции с мировым социализмом, вдохновлявшимся коммунистической идеей. Исчезновение коммунизма, а затем и мирового социализма, как глобального конкурентного фактора способно придать новую "жесткость" Западу, лишить его гибкости, умеренности, превратить в консервативную самодовлеющую систему с агрессивными устремлениями.

На протяжении всех послевоенных десятилетий хотя и медленно, но неуклонно развивался процесс конвергенции двух мировых систем: обе системы (причем капитализм - с большим успехом) извлекали позитивные элементы из противоположных систем и внедряли их в свою практику, обогащая теорию (государственное регулирование экономики, планирование, социальные функции государства и т.д.). Коммунистические режимы также не могли не учитывать позитивный опыт глобального конкурента (в какой-то мере это уже проявляется в политике США).

Исчезновение конкурентных начал в развитии современной мировой цивилизации, утверждение глобальной однотипности общественных отношений в рамках современного понимания капитализма может привести к непредсказуемым последствиям, и в частности, к деградации конструктивных, гуманистических начал в мировом развитии. Впрочем, это тема для отдельного разговора.

Особо следует остановиться на мотивации трудовой деятельности в коммунистической России, которую иные отечественные историки и журналисты не называют иначе, как "рабской". Тот гигантский труд, те лишения, страдания и муки, та энергия, с помощью которой была индустриализирована Россия, разумеется, не могли быть извлечены из недр аграрного общества только террором, страхом, колючей проволокой, доносами и энтузиазмом идиотов. В большой степени то был труд общинно-религиозный, сочетающий, если говорить об экономическом результате, высокую производительность с крайне низкими издержками. Если вскрывать причины, приводящие к такому результату, этот труд сочетал сознательную аскезу монаха и одухотворенное высшей осмысленностью трудовое сверхусилие. Такой труд, безусловно, сверхэффективен и одновременно свободен в высшем смысле этого слова⁹.

К. Маркс вообще понимал человека как существо производящее, трудящееся - homo faber. Согласно марксизму, труд не есть просто средство под-

держания существования и тем более не кара, ниспосылаемая на человека за первородный грех, а деятельность, являющаяся естественной потребностью человека, с помощью которой он утверждает себя, добивается самовыражения, освобождает себя, подчиняет себе природу, очеловечивая ее, присваивая себе свою всестороннюю сущность всесторонним образом. По этой, а не по какой-либо иной причине - **в коммунистической России утверждалась исключительная почетность труда.**

Как бы то ни было, но неоспоримым историческим фактом является то, что коммунисты сделали ставку на "духоборческий" труд и в новых исторических условиях, при всех хорошо известных издержках, сумели добиться неслыханных результатов на коротком отрезке исторического пути. На близкий к этому тип труда сделали ставку японцы и добились удивительных результатов. Сходными мотивами руководствовались после второй мировой войны и немцы, и французы, в некотором смысле - даже американцы.

Никак нельзя согласиться и с тем, что 75 лет социалистического развития были потерей для **культурного развития России.** Именно в эти годы усилиями русского и других народов, населяющих СССР, были созданы выдающиеся произведения изобразительного, архитектурного и музыкального искусства. Советский балет, советский кинематограф, советский драматический театр - все эти понятия из советского периода истории России. И хотя иные "мастера культуры" сегодня энергично отрещиваются от него, достижения тех лет общепризнаны.

Наконец, следует признать еще одно достижение русского коммунизма. Он дал антропологическое обоснование философии научно-технического прогресса, заявил о возможности гуманизировать этот прогресс и направить его в русло Общего Дела. А пока человечество существует, эта задача всегда будет стоять перед ним. Ибо выдающиеся научные открытия и технические достижения, обеспечившие людям власть над природой и облегчившие их труд и быт, не решили, конечно, проблемы Человека, не приблизили его к совершенству. Создавая удивительные машины, человек XX века не смог ни на йоту улучшить самого себя. Его внутренняя жизнь осталась адом, где поступки не согласуются с желаниями, а стремления к счастью, истине, справедливости - в корне извращены. Русский же коммунизм противопоставил науку, одухотворенную Общим Делом, слепоте и смертоносной силе Природы, он заявил о смерти как о неразвитости Природы и Мира и пообещал борьбу с нею силами Человека через научно-технический прогресс без трансцендентного, без сверхъестественного, без благодати¹⁰

* * *

Рассмотрим с позиций всего сказанного современный российский коммунизм. Начнем с того, что он ничего общего не имеет с марксизмом. Это не революционный запал молодого К. Маркса, который, как известно, отождествлял коммунизм с натурализмом и гуманизмом.

Современный коммунизм весьма далек и от ленинизма. В нем нет мессианской идеи мировой пролетарской революции. Нет в нем и революционного пафоса первых советских пятилеток, основанного на энтузиазме масс, который

мы слышим в замечательных советских песнях и видим в высокохудожественных советских кинофильмах.

Вряд ли современный коммунизм можно назвать в полной мере даже сталинским - хотя КПРФ, как известно, возвеличивает И. Сталина и в теоретическом плане, безусловно, наследует созданный в ту эпоху "большевистский фундаментализм", полностью умертвивший Красную Идею. Но сталинские годы были временем великого подвига поколения советских людей, победивших фашизм, восстановивших затем из руин огромную страну, создавшего сверхъестественным напряжением ракетное оружие. Здесь же включены иные мотивы социальной активности русского народа - скорее национал-патриотические, чем идеологические. К коммунизму они имеют мало отношения.

Ни к Царству Свободы, завещанному К. Марксом, ни к Красной Империи, созданной большевиками, так называемый народно-патриотический союз России не имеет ровно никакого отношения.

Что же тогда остается? Эпоха застоя? Действительно, Г. Зюганов и его соратники провозглашают 60-е-70-е годы наиболее стабильным периодом в истории СССР, когда осуществлялось медленное, но якобы устойчивое "повышение уровня благосостояния народа".

Спору нет, в 70-е годы в материальном плане мы жили лучше, чем в 30-е, 50-е и даже 60-е годы. Но нельзя забывать, что в это время мы, во-первых, **продали** результаты поистине титанических усилий первых поколений советских людей (т.е. наших дедов и отцов) - результаты, достигнутые путем задействования мобилизационной модели экономического развития. А во-вторых, мы проедали наши сырьевые - в первую очередь нефтяные - ресурсы благодаря удачно сложившейся внешнеэкономической конъюнктуре (т.е. национальное достояние, принадлежащее не только нам, но нашим детям и внукам). Можно поэтому прямо сказать, что в 70-е годы мы жили исключительно за счет нашего прошлого и за счет нашего будущего. Обещать людям возврат в эти времена - обман, ибо все эти ресурсы во многом растрочены.

Кроме того, именно в 60-е-70-е годы советские коммунисты постепенно, сами того, возможно, не осознавая, начали предавать те самые идеалы и ценности, во имя которых коммунизм утверждался в России и в мире в целом. Они оказались включенными в "потребительскую игру" с ориентацией на удовлетворение потребностей населения самым лучшим образом, даже лучшим, чем способно это сделать капиталистическое общество. Как отмечал Э. Фромм, "коммунисты в Советском Союзе и за его пределами - превратили социализм в чисто экономическую теорию. Цель такого социализма - максимальное потребление"¹¹. Н. Хрущев со своей теорией "гуляш-коммунизма" по своему простодушию однажды проговорился, что цель социализма - предоставить всему населению такое же удовлетворение от потребления, какое капитализм предоставил лишь меньшинству. Произошло, как и предсказывал Н. Бердяев, "обуржуазивание" Советской России, явившееся следствием "иссякания религиозной энергии русского народа"¹¹.

При этом основополагающие тезисы коммунистической теории К. Маркса повторялись лишь как ритуальные заклинания. Впрочем, так же как на Западе

произносились цитаты из Библии. Именно в эти годы возник и начал стремительно углубляться опаснейший разрыв между коммунистической теорией и практикой реального социализма, породивший отвратительный феномен "двойной морали": на партсобрании человек говорил то, что требовало от него начальство, а на кухне - "за рюмкой чая" - обменивался анекдотами про "вождей".

Подмена великого коммунистического проекта фактически западным проектом общества всеобщего потребления означала эрозию и последующую неизбежную дискредитацию Красной Идеи. Растворение Советской России в цивилизации "практического атеизма" знаменовало собой "начало конца" коммунистической империи, поскольку коренным образом подрывало ее идеологические, а еще раньше - аксиологические основы. Фундаментальная причина распада СССР состояла именно в смене парадигмы его исторического развития, в предательстве Красного Дела. Страна потеряла сверхзадачу глобального, даже космического значения, а вместе с ней и свою религию. В ней, как и предсказывал Н. Бердяев, "окончательно победил тип шкурника, думающего только о своих интересах"¹².

"Не хлебом единым жив человек", и коль скоро он начинает довольствоваться хлебом и сытостью измерять качество жизни, этим кичиться и этому поклоняться, - жизнь останавливается, цивилизация разваливается, как разваливались под грузом сытого отупения многие предшествующие.

Судя по всему, современный российский коммунизм мыслит развитие России именно в потребительской парадигме. Если это так, то он явно не способен - несмотря на все рассуждения о соборности, духовности и державности - противопоставить сытому благополучию общества потребления идеал духовный и нравственный, т.е. мобилизовать нового исторического субъекта и сформулировать современную идею обновления культуры.

Сознавая проигрышность и ущербность своих позиций, некоторые деятели КПРФ говорят, что они вовсе и не коммунисты, а социал-демократы. Это тоже неправда. Социал-демократия, как известно любому школьнику, является отражением развитых капиталистических отношений. А потому в России ею пока и не пахнет.

Во всех без исключения странах Центральной Европы бывшие коммунисты стали цивилизованными парламентскими партиями, приняли демократические правила игры и не помышляют о социальном реванше. Ни одна из левых партий в Восточной Европе не придерживается коммунистических принципов в реальных экономических преобразованиях и не идет на выборы под лозунгом: "банду Желева (Валенсы, Гавела, Клауса) - под суд!..". Голосуя за левых, люди не опасаются, что вернуться плановое хозяйство, очереди и талоны на сахар. Страны бывшего социалистического лагеря живут в иной системе координат. Они движутся в Европу, развивают рыночную экономику, и ни одно правительство не сделает даже попытки свернуть с этого пути.

Кто мог дать такую гарантию России, если бы власть легитимно получил Г. Зюганов?

Если КПРФ и в самом деле шла на выборы, чтобы в случае победы поставить Россию на социал-демократические рельсы, - будь то шведская, авст-

рийская или иная модель, - она могла бы в своей платформе решительно осудить тоталитарное извращение коммунистической идеи, допущенное в теории и особенно в практике большевизма, Советского государства. Более того, КПРФ по сути обошла молчанием такую важнейшую веху своей истории, как XX съезд КПСС, сорокалетие которого отмечалось в прошлом году довольно широко в российской и зарубежной прессе. КПРФ не отметила этой даты ни заявлением своего ЦИК, ни проведением конференции или хотя бы "круглого стола".

Социал-демократизация должна была бы побудить КПРФ к смягчению ее позиции в отношении политики перестройки М. Горбачева: мол, замысел был в принципе верный, обновление партии и страны были необходимы, но практическая реализация курса реформ, исходящих "сверху", оказалась неудачной. Но и такой переоценки в ее документах нет. Нет ни слова и об ответственности КПСС, Советского государства за очень многие из тех экономических и социальных трудностей, которые ныне переживает Россия: запущенное сельское хозяйство, гипертрофированный военно-промышленный комплекс, нерешенность жилищного вопроса, бездорожье, неконкурентоспособность многих видов отечественной продукции и т.д., и т.п. Отсутствие в платформе слов осуждения в адрес политики всеобщего огосударствления собственности и жесткой централизации управления экономикой наводило на мысль, что поддерживающие Г. Зюганова силы вполне могут попытаться восстановить эту систему.

Ахиллесова пята отечественных коммунистов в том, что они никак не могут избавиться от большевистского наследия (которое, напомним, по сути говоря выхолостило и умертвило оригинальные идеи К. Маркса и В. Ленина), и поэтому при самых благих намерениях будут находиться под подозрением общества, не желающего расставаться с обретенной в результате реформ политической свободой. Лидер партии неустанно заверяет о своей решимости блюсти законность, не покушаться на гласность и другие демократические завоевания последних лет. Между тем официальная программа, заявления видными деятелями и теоретиками пафос печатных изданий КПРФ свидетельствуют, что ее идеология отнюдь не эволюционирует в сторону признания демократических принципов, а, напротив, ползком возвращается к большевистскому "фундаментализму".

Это нагляднее всего обнаруживается в отношении к собственной истории. Весь сталинский период становится, по существу, объектом апологетики. XX съезд и хрущевское десятилетие рассматриваются как начало ереси и разложения, а уж перестройку иначе как предательством не обзывают. Ухитрившись поставить М. Горбачева в один ряд с Л. Троцким и Л. Берия, наши коммунисты не задумываются, что тем самым отвергают и все демократические достижения перестройки, к стати, все, что предусматривалось советскими конституциями - свободу слова, создание полноценного парламента, реабилитацию репрессированных народов, прекращение преследования Церкви и т.д. Иначе говоря, нынешние коммунисты собственноручно дают козыри своим противникам, подтверждая тезис о несовместимости социализма с демократией.

Причину, видимо, следует искать в том, что внутри национал-коммунисти-

ческой коалиции верх одержали силы, тяготеющие к неолевостовиетской стратегии и тактике, старой модели социализма, то есть "непримиримые", толкающие к реставрации социализма в его худшем варианте.

Если в Литве, Венгрии и Польше к рулю вернулись выпускники школы социализма с человеческим лицом, либеральные реформаторы-западники, то в России власть стремятся захватить революционеры-"патриоты". В отличие от восточноевропейских коллег, которые вышли из социал-демократических фракций своих компартий, коммунисты России происходят в своем большинстве из догматического сталинского крыла бывшей КПСС. Среди них весьма популярны отнюдь не идеалы западной социал-демократии (само слово "социал-демократ" отождествляется многими из них, вслед за В. Лениным, с "социал-предателем"), а патриотические идеи русских традиционалистов и монархистов. Не случайно лидер КПрФ выразил свое горячее восхищение "чеканным лозунгом графа Уварова: православие, самодержавие, народность" и оценил Февральскую революцию 1917 года как "катастрофу". В другом месте он заявил: "нашим внешнеполитическим приоритетом будет создание преемственности с внешней политикой дореволюционной России и Советского Союза". Обрушиваясь на "антинародный режим" за то, что тот "нелегитимен", поскольку он-де разграбил народное богатство, Г. Зюганов исходный пункт собственной исторической преемственности связывает с моментом разрушения священной царской власти и введения вместо нее светского института западного типа. Признавая легитимность самого президентства, он вместе с тем добивается этого поста с тем, чтобы задать "новый курс реформ", включающий искоренение самого института президентства как "не соответствующего российской исторической традиции".

Сказанного достаточно, чтобы убедиться в том, что Г. Зюганов не является ни социал-демократом, ни социалистом восточноевропейского типа. Как отмечает американский политолог А. Коэн, "он опасный, расчетливый и осторожный политик, располагающий коммунистической программой действий. Он представляет собой смесь коммуниста и ультранационалиста"¹³. Кстати говоря, соскальзывание к национально-патриотической идеологии - одно из главных отличий КПрФ от КПСС, которая последовательно придерживалась идеологии пролетарского интернационализма.

Характерной чертой новейшего российского коммунизма является его откровенная эклектика, всеядность, практически ничем не завуалированная установка на привлечение любого электората - от люмпена до интеллигента. Предвыборная платформа коммунистов, как известно, состояла из двух идеологических блоков: видимого, призванного придать платформе привлекательность в глазах той большой части электората, которая в принципе приемлет курс на обновление России на началах демократии и рынка и скрытого, о сути которого можно тем не менее догадаться - "патриотического" и социал-реваншистского. С одной стороны, современные "коммунисты" создают образ партии как дрейфующей к социал-демократии, с другой - привлекают "патриотов", тщательно сохраняя "державническую ориентацию". Одних заверяют, что КПрФ будет действовать в рамках Конституции, другим сигнализируют, что революции остаются "локомотивами истории". Г. Зюганов, с одной сто-

роны, объявляет КПРФ "продолжателем дела КПСС," с другой - в сильных выражениях отстаивает новаторский характер своей партии, не имеющей, как он утверждает, ни идейно, ни организационно ничего общего с КПСС, и более того - берущей под защиту тот строй, который большевики разрушили в 1917 году.

Весьма невинны взгляды КПРФ на частную собственность. Понимая, что апология частной собственности означала бы коренную ревизию коммунистической идеи, партия допускает ее существование только на переходном этапе к "окончательному формированию социалистических отношений". В то же время осознавая крайнюю непопулярность лозунга об упразднении частной собственности, коммунисты включили в свои документы тезис о "многоукладности" экономики, намеренно оставив неясным вопрос о пропорции различных форм собственности.

Мимикрия современного российского коммунизма разрушает его не только нравственные, но и смысловые основы. Ни К. Марксу, ни тем более В. Ленину даже в кошмарном сне не снился коммунизм Г. Зюганова, в котором последний умудрился скрестить "демократического ужа" и "коммунистического ежа", совместить пролетарский интернационализм с национализмом, марксизм с русской идеей, а ленинизм - с православной верой.

Все это говорит о том, что мы имеем дело с особым, неведомым ни на Западе, ни в России явлением, которое, собственно говоря, нельзя назвать коммунизмом. Весьма характерно в этой связи, что из последних выступлений и публикаций Г. Зюганова и его соратников слово "коммунизм" незаметно исчезло.

Это, безусловно, ревизия ортодоксального коммунизма.

Возникает фундаментальный вопрос: почему теоретики КПРФ вторглись в чужое и даже запретное для коммунизма смысловое пространство?

Если отбросить политические расчеты в ходе выборов, направленные на привлечение максимально широкого электората, то главной причиной этого является идейная и нравственная истощенность коммунизма на современном этапе развития России и человечества в целом. Можно по-разному относиться к созданной большевиками красной Империи (подлинная история которой еще ждет своего исследователя), но нельзя отрицать, что вместо Царства Божьего в Советской России было создано Царство Кесаря, которое в конце концов привело к деградации человека. Нельзя не признать и того, что ни в России, ни в какой-либо другой стране мира коммунизм так и не решил главной проблемы, которую он обещал решить - проблемы человеческого духа. Не решил он и проблемы экономического отчуждения, которое К. Марксом было объявлено "первородным грехом", коренным злом мира сего. Ликвидировав капиталистические формы отчуждения, коммунизм лишь заменил их новыми, возможно, еще более отвратительными. Пресловутый "скачок из царства необходимости в царство свободы" (добавим, в царство безбожное) в конечном итоге обернулся в России новым, еще более чудовищным порабощением. В этом, на мой взгляд, следует искать в первую очередь причину возрождения в России православной веры и русской идеи, которые воровским образом (поль-

зуюсь тем, что пока не появился их настоящий хозяин) пытаются положить себе в карман наши коммунисты.

* * *

Есть ли место коммунизму в XXI веке? В это поверить трудно. Сложно представить себе в XXI веке и массовое революционное коммунистическое движение, будь то в России или в какой-либо другой стране мира - а следовательно, и ортодоксального коммунизма большевистского типа, захватившего где бы то ни было государственную власть.

Вряд ли коммунизм уже сможет претендовать и на роль новой религии.

Вместе с тем едва ли верно и предположение о том, что "вбит последний гвоздь в гроб коммунизма". Последний имеет большие шансы на то, чтобы остаться в качестве идеологии угнетенных и обездоленных - особенно в тех странах, в которых не способны справиться со своими социально-экономическими проблемами и постоянно плодят нищету. В таких странах коммунизм, вероятно, даже необходим. В странах же процветающих и экономически благополучных ему места нет. Роль здоровой оппозиции там занимает, как правило, социал-демократия.

КПРФ как политическая сила может ответить на вызовы времени лишь в том случае, если ее идейно-политическая платформа станет совместимой с новыми условиями развития российского общества. Точнее, если левая социалистическая идея соединится с идеями рынка, свободы и демократии, как это происходит в теории и практике многих коммунистических партий Центральной и Восточной Европы, эволюционирующих к социал-демократизму. Безусловно, столь радикальное обновление облика невозможно без болезненного расставания с иллюзиями прошлого и серьезных внутренних потрясений.

Целесообразно, впрочем, различать будущее русского коммунизма как партии и как идеи. Причем парадокс состоит в том, что в условиях современной России сохранить и партию, и идею одновременно едва ли возможно. Придется пожертвовать либо тем, либо другим.

Для того чтобы КПРФ выжить в качестве партии, достаточно выполнить всего три условия: публично отказаться от идей, противоречащих Конституции Российской Федерации, в частности, признать право частной собственности и наложить запрет на любую форму пропаганды социальной и национальной вражды; отказаться от людей, высказывающих антиконституционные идеи; отказаться от названия самой партии. В этом случае КПРФ перерождается в партию левоконсервативного или социалистического толка, не только не являющейся антисистемной силой, но встроенную в существующую политическую систему на правах цивилизованной оппозиции.

Сложнее сохранить коммунизм как идею. Для этого необходимы поистине гениальные умы. Этим умам придется совершить радикальное обновление идеи, дав современную интерпретацию раннего марксизма, соединив его с традициями русской соборности и симфонизма и создав привлекательный образ будущего для России и мира в целом. Что же касается левой идеи как таковой и ее двух разновидностей - коммунистической и социалистической - то она России, да и миру в целом, вероятно, еще понадобится - возможно, в качестве

того "идеального горючего", которое уже однажды обеспечило России не только позиции сверхдержавы, но, что еще важнее - видение перспективы национального и мирового развития¹⁴.

Н. Бердяев различал пять России: Россию киевскую, Россию татарского периода, Россию московскую, Россию петровскую, императорскую и, наконец, коммунистическую. "Но будет, - пророчески писал он, - еще и новая Россия". Эта Россия рождается у нас на глазах. Хотелось бы верить, что она не станет капиталистической, не погрязнет в голом экономическом расчете и не допустит подмены представления о свободе личности эгоистическим индивидуализмом. После завершения коммунистического эксперимента, явившегося закономерным и великим моментом развертывания национального и мирового духа, она не должна вновь распаться на бесконечное число атомизированных несчастных существ, а, напротив, должна соединиться в качественно новый соборный организм, который приблизит ее к воплощению русской идеи.

XXI век и для России, и для всего мира, скорее всего, будет не веком Золотого Тельца, а веком Духа. Вероятно, он будет окончательным переходом от общества "практического атеизма" к гуманитарному, "постэкономическому" и информационному Обществу Культуры. Это будет не "мир вещей", а мир идей и мир мастеров. Это будет не век больших коллективов и вождей, а век Человека.

Коммунизму старого типа в этом веке места не будет.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. С. 126.

² Здесь следует вновь сослаться на Н. Бердяева: "Человек, к концу новой истории, в период кризиса гуманизма, переживает глубокое одиночество, покинутость, оставленность. В Средние века человек жил в корпорациях, в органическом целом, в котором не чувствовал себя изолированным атомом, а был органической частью целого, с которым он чувствовал связанной свою судьбу. Все это прекращается в последний период новой истории. Новый человек изолируется... На этой почве, от этой атомизации и рождается процесс обращения к коллективизму, создание нового начала, в котором человек ищет исхода из своего одиночества". (Н.А. Бердяев. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. С. 124—125.)

³ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 88.

⁴ Кургиян С.Е., Ауteniлюс Б.Р., Гончаров П.С., Громыко Ю.В., Сундиев И.Ю., Овчинский В.С. Постперестройка: концептуальная модель развития нашего общества, политических партий и общественных организаций. М.: Политиздат, 1990. С. 64.

⁵ Кургиян С. Кто будет завтра Иваном Ивановичем? // Россия XXI. 1995. № 3-4. С. 20, 22.

⁶ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 109.

⁷ Фромм Э. Иметь или быть? М.: Наука, 1991. С. 46.

⁸ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 148.

⁹ Кургиян С.Е. Постперестройка... С. 76-77.

¹⁰ Еще одна цитата из Н. Бердяева: «В коммунизме есть здоровое, верное и вполне согласное с христианством понимание жизни каждого человека как служения сверхличной цели. Но эта верная идея искажается отрицанием самостоятельной ценности и достоинства каждой человеческой личности, ее духовной свободы. В коммунизме есть также верная идея, что человек призван в соединении с другими людьми регулировать и организовывать социальную и космическую жизнь. Но в русском коммунизме эта идея приняла почти маниакальные формы и превращает человека в орудие и средство революции... Дух коммунизма, религия коммунизма, философия коммунизма - и антихристианские и антигуманистические. Но в социально-экономической системе коммунизма есть большая доля правды, которая вполне может быть согласована с христианством, во всяком случае более, чем капиталистическая система, которая есть самая антихристианская. Коммунизм прав в критике капитализма. И не защитникам капитализма обличать неправду коммунизма, они лишь делают более рельефной правду коммунизма. Неправду коммунистического духа, неправду духовного рабства могут обличать лишь те христиане, которые не могут быть заподозрены в защите интересов буржуазно-капита-

листического мира. Именно капиталистическая система прежде всего раздавливает личность и дегуманизирует человеческую жизнь, превращает человека в вещь и товар, и не подобает защитникам этой системы обличать коммунистов в отрицании личности и в дегуманизации человеческой жизни. Именно индустриально-капиталистическая эпоха подчинила человека власти экономики и денег, и не подобает ее adeptам учить коммунистов евангельской истине, что "не хлебом единым жив человек"...

...В отношении к хозяйственной жизни можно установить два противоположных принципа. Один принцип гласит: в хозяйственной жизни преследуй свой личный интерес и это будет способствовать хозяйственному развитию целого, это будет выгодно для общества, нации, государства. Такова буржуазная идеология хозяйства. Другой принцип гласит: в хозяйственной жизни служи другим, обществу, целому и тогда получишь все, что тебе нужно для жизни. Второй принцип утверждает коммунизм, и в этом его правота. Совершенно ясно, что второй принцип отношения к хозяйственной жизни более соответствует христианству, чем первый. Первый принцип столь же антихристианский, как антихристианским является римское понятие о собственности. Буржуазная политическая экономия, выдумавшая экономического человека и вечные экономические законы, считает второй принцип утопическим. Но экономический человек преходящий. И вполне возможна новая мотивация труда, более соответствующая достоинству человека». (*Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 150—151.*)

11 *Фромм Э.* Бегство от свободы. М.: Наука, 1992. С. 83.

12 *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. С. 139.

13 Ньюсвик. 1996, май. С. 38.

"Весь мир, - предсказывал Н. Бердяев, - идет к ликвидации старых капиталистических обществ, к преодолению духа, их вдохновлявшего. Движение к социализму - к социализму, понимаемому в широком, не доктринерском смысле - есть мировое явление. Это мировой перелом к новому обществу, образ которого еще не ясен". (*Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 126.*)